

В
ожидании
Роберта
Капы

СУСАНА ФОРТЕС

Они жили, любили и погибли на войне, став самыми известными военными фотографами своего времени...

The Guardian

Сусана Фортес

В ожидании Роберта Капы

Издательство «Синдбад»

2009

Фортес С.

В ожидании Роберта Капы / С. Фортес — Издательство
«Синдбад», 2009

ISBN 978-5-00131-154-6

Эта книга рассказывает историю любви и творческого союза легендарных военных фоторепортеров Роберта Капы и Герды Таро. Они встретились в 1935 году в Париже, куда она бежала из Германии, а он - из Венгрии. Тогда их еще звали Эндре Фридман и Герта Похорилле. Изменив имена и захватив фотокамеры, они отправились в Испанию - освещать ход разгоравшейся там гражданской войны. Молодые и красивые, смелые антифашисты и безрассудные нонконформисты, они стали самыми знаменитыми фоторепортерами того времени. Подчас то, на что они шли ради сильного, правдивого кадра или во имя любви, было сродни безумию. Они сами создали свою легенду и оставались верны ей до конца.

ISBN 978-5-00131-154-6

© Фортес С., 2009

© Издательство «Синдбад», 2009

Содержание

I	6
II	9
III	13
IV	18
V	22
VI	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сусана Фортес В ожидании Роберта Капы

Карлоте

Может, если бы я хотел, чтобы меня понимали и чтобы я понимал, я бы тоже дал околпачить себя и поверил в бога, но я репортер, а бог существует только для авторов передовиц¹.

Грэм Грин.
Тихий американец,

Настоящая история о войне – не мораль. Она ничему не учит, не вдохновляет на подвиги, не дает образцов правильного поведения, не мешает делать то, что люди делают всегда. Если история попахивает моралью, не верьте ей.

Тим О'Брайен.
Вещи, которые брали с собой те, кто сражался.

*Денек с удачным освещением, сигарета, война...
Артуро Перес-Реверте.
Территория команчей.*

*Герде Таро, которая, проведя год на испанском фронте, там и осталась.
Роберт Капа.
Война производит смерть.*

Susana Fortes
ESPERANDO A ROBERT CAPA

Esperando a Robert Capa
© by Susana Fortes, 2009 Russian Edition Copyright
© Sindbad Publishers Ltd., 2019

Перевод с испанского Екатерины Хованович

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2019

info@sindbadbooks.ru
www.sindbadbooks.ru
www.facebook.com/sindbad.publishers
www.vk.com/sindbad_publishers
www.instagram.com/sindbad_publishers

---

¹ Перевод Е. М. Голышевой. (Здесь и далее – прим. пер.)

I

«Идти на попятную всегда поздно. Вдруг просыпаешься однажды и понимаешь, что этому не будет конца, что это навсегда. Вскочить в первый же поезд, сделать мгновенный выбор. Тут или там. Черное или белое. Этому верю, тому – нет. Вчера мне снилось, что мы с Георгием и со всеми остальными устроили собрание в доме у озера, в Лейпциге. Сидим за столом, покрытым льняной скатертью, на ней – ваза с тюльпанами, книга Джона Рида и пистолет. Всю ночь я видела во сне этот пистолет и проснулась с привкусом гари во рту, будто наглоталась угольной пыли».

Девушка захлопнула раскрытую у нее на коленях тетрадь и подняла глаза на бегущий за окном пейзаж: голубоватые луга между Рейном и Вогезами, деревянные сельские домики, розовые кусты, развалины замка, разрушенного еще в Средние века во время войн, которые в Эльзасе в те давние времена не прекращались. Смотришь – и прошлое будто ближе, подумала она, не зная, что скоро эти места вновь станут полем битвы. Танки, бомбардировщики «блenheim» среднего радиуса, бипланы-истребители, «Хайнкели-51» немецкого люфтваффе...

Поезд проехал мимо кладбища, и соседи по вагону перекрестились. Качало так, что уснуть было невозможно. Оконная рама то и дело ударяла в висок. Одолевала усталость. Девушка закрыла глаза и не то чтобы вспомнила, а увидела отца в громоздком швиотовом пальто на перроне лейпцигского вокзала. Стоя под полупрозрачным навесом, едва пропускающим тусклый пыльный свет, он махал ей рукой, сжав челюсти, как грузчик под непосильной ношей. Стиснуть зубы, сжать кулаки в карманах и еле слышно выругаться на идише – что еще остается мужчинам, не умеющим плакать? То ли характер не позволял ему раскисать, то ли принципы. Не до сантиментов, когда надо уносить ноги.

Отец вел ничем не объяснимую бесконечную войну со слезами. В детстве запрещал им с братьями плакать. Побывают мальчишеск в дворовой драке – все равно дома нюни не распускать. Порванная губа и фингал под глазом – достаточно красноречивые свидетельства поражения. Так что никаких слез. На женщин, разумеется, эти правила не распространялись, но она обожала братьев и ни за что на свете не согласилась бы, чтобы с ней обходились иначе, чем с ними. Так и выросла. А потому никаких слез. Папа знал, что говорил.

Он был человеком старой закалки, родом из Восточной Галиции, и так всю жизнь и проносил крестьянские башмаки на резиновом ходу. Она помнила, что в раннем детстве отцовские следы у курятника в огороде казались ей следами огромного буйвола. Его голос во время церемонии шаббата в синагоге был таким же глубоким, как отпечатки его башмаков на мягкой земле. И сам папа, и его голос тянули килограммов на девяносто.

Иврит – язык древний, в нем тоска бесприютных развалин, он как голос, зовущий тебя со склона холма, или сирена далекого парохода. Музыка псалмов все еще трогает ее сердце. По спине бегут мурашки, когда во сне она слышит их мелодию. Вот и сейчас, в поезде, уносящем все дальше от границы, ей становится слегка щекотно где-то под лопatkой. Там, наверное, и живет душа, думает она.

Ей так и не удалось узнать, что такое душа. Когда она была маленькой и семья жила в Ройтлингене,казалось, что души – это белые простынки, которые мама развешивает на крыше террасы. Душа Оскара, душа Карла. И ее собственная. Но теперь она в такие вещи не верит. Так бы и врезала и Богу Авраама, и всем двенадцати коленам Израилевым. Она им ничем не обязана. И вообще предпочитает английскую поэзию. Стихотворение Элиота в тысячу раз лучше очищает от скверны, подумала она. А что Бог? Разве он смог вытащить ее из тюрьмы на Вехтерштрассе?

Нет. Она выбралась сама, своими силами, благодаря выдержке и самообладанию. Блондинка, такая юная и нарядная, не может быть коммунисткой, должно быть, решили тюрем-

щики. Да она и сама раньше так думала. Сказал бы ей кто, что она заинтересуется политикой, в те времена, когда она ходила в теннисный клуб «Вальдау». Ровный загар, белый свитер, короткая плиссированная юбка... Ей нравились ощущения в теле после физических упражнений, она любила танцы, с удовольствием красила губы, носила шляпу, курила через мундштук, пила шампанское. Как Грета Гарбо в «Care о Йосте Берлинге».

Поезд, протяжно свистнув, въехал в тоннель. Стало темно. Она вдохнула такой печально знакомый железнодорожный запах.

Трудно сказать, с каких пор все пошло наперекосяк. Беда подступила незаметно. Возможно, виновата проклятая угольная пыль. Улицы вдруг стали пахнуть вокзалом. Несло дымом пожарищ, кожей. Высокие, начищенные до блеска сапоги, портупеи, коричневые рубахи, ремни с пряжкой, военная амуниция... Однажды во вторник, выходя из кино с подругой Руфью, в образцовом поселке Вайсенхоф она услышала, как кучка парней поет нацистский гимн. Щенки какие-то. Девушки решили не обращать внимания. Вскоре объявили запрет на покупки в еврейских магазинах. Она вспомнила, как маму вытолкал за дверь лавочник, как она наклонилась в дверях, чтобы поднять упавший шарф. Эта картина кровоподтеком застыла в памяти. Синий шарф, втоптанный в снег. Почти сразу после этого начали жечь книги и партитуры. Потом толпы стали заполнять стадионы. Женщины-красавицы, здоровые парни, честные отцы семейств. Не фанатики – нормальные люди, аптекари, домохозяйки, студенты и среди них даже ученики Хайдеггера. И не скажешь, что, мол, не разобрались: все слушали речи внимательно. Понимали, что происходит. Надо было делать выбор, и они его сделали. Сделали.

18 марта в семь вечера патруль СА арестовал ее в родительском доме. Лил дождь. Пришли за Оскаром и Карлом, но, не найдя их, забрали ее.

Взломанные замки, распахнутые шкафы, перевернутые ящики, разбросанные бумаги... При обыске конфисковали последнее письмо от Георгия из Италии. Оно, мол, истекает большевистскими помоями. Но чего ж они ждали от русского? Георгий и о любви не мог говорить, не упоминая через слово классовую борьбу. Хорошо хоть сумел бежать и теперь был в безопасности. Она честно призналась, что познакомилась с ним в университете. Он изучал в Лейпциге медицину. Они были, считай, помолвлены, но жили порознь. Он никогда не ходил к ее друзьям на вечеринки, а она никогда не расспрашивала его о собраниях, на которых он пропадал ночами. Им она сказала: «Я в жизни не интересовалась политикой». Должно быть, прозвучало убедительно. Тем более от такой модницы. На ней была юбка гранатового цвета, подаренная тетушкой Террой на выпускной, туфли на высоком каблуке, блузка с глубоким вырезом. Будто ее арестовали по дороге на танцы. Мать всегда говорила: иногда правильная одежда – вопрос жизни и смерти. И была права. Никто не осмелился поднять на нее руку.

Пока ее вели в камеру, она наслушалась криков из западного крыла здания, где велись допросы, и, когда очередь дошла до нее, исполнила роль блестящей. Наивная испуганная девушка. Она и вправду была наивной и испуганной, но не настолько, чтобы разучиться думать. Иногда для того, чтобы выжить, достаточно иметь голову на плечах и быть настороже. Ей угрожали, что продержат в тюрьме до тех пор, пока не придут и не сдадутся Карл и Оскар, но удалось притвориться, что она ничего не знает. Спотыкающаяся речь, распахнутые глаза, нежная улыбка.

Ночью она, лежа на койке, молча курила и глядела в потолок, переживая свое унижение и желая как можно скорее покончить с этим дурацким спектаклем. Думала о братьях, молилась о том, чтобы им поскорее удалось уйти в подполье, нелегально проехать через Швейцарию или Италию, как Георгий. Сама она тоже собиралась бежать, как только выйдет на волю. Германия ей чужая. Так что речь не о том, чтобы временно где-то укрыться, а о том, чтобы начать новую жизнь. Не зря же она учила языки. Все должно было получиться. Без сомнения. Ведь у нее была своя звезда.

Поезд, громыхая, как телега, вынырнул из тоннеля на свет. Пейзаж за окном сменился. Река, усадьба, окруженная яблонями, деревеньки, дымящие трубы, закат. Перед последним поворотом на насыпи стояли ребятишки и махали вслед составу.

Первую падающую звезду она увидела в Ройтлингене, в пять лет. Они возвращались из пекарни Яакова с пирогом и сгущенкой на ужин. Карл шел впереди, поддавая ногой камушки, она и Оскар, как всегда, отстали. И тут Карл уверенным жестом старшего брата указал кудато в небо.

– Вон, видишь, форелька? Загадывай желание.

Ее всегда так называли, форелькой. Темное небо над головой было цвета спелой сливы. Троє ребятишек встали в кружок, положив друг другу руки на плечи, и уставились вверх, на звезды, падающие с неба то по две, то по три, то, будто соль, целыми щепотками. До сих пор, вспоминая эти мгновения, она чувствует запах шерстяных рукавов у себя на плечах.

– Комета – это подарок судьбы, – сказал Оскар.

– Как на день рождения? – спросила она.

– Лучше. Потому что этот подарок – навсегда.

Есть тайны, известные только братьям и сестрам. Мелочи, по которым секретные агенты узнают своих. Воспоминания, скользящие в высоких травах детства.

Карл всегда был самым сообразительным из троих. Он объяснил ей, как вести себя при аресте, и научил перестукиваться с другими заключенными секретным кодом, которым пользовались молодые коммунисты. За это ее сильно зауважали соседки по камере. В тюрьме не выжить без взаимовыручки. Там сколько умеешь – столько и стоишь… Зато Оскар научил ее крепиться, скрывать свои слабости, держаться стойко, верить в себя. Не дай эмоциям выдать тебя, наставлял он, опасность можно почутъя заранее. Заметить ее приближение. Она настороженно огляделась. Один из пассажиров без передышки курил. Она потянула вниз окно, чтобы проветрить вагон, и облокотилась о раму. Мелкая морось увлажнила волосы и освежила кожу. Чую, подумала она. Опасность рядом. Ты должна соображать быстрее, чем они, испарись, ускользни, как хочешь – но исчезни, превратись в другую, говорил ей брат. Так она научилась выдумывать для себя роль, играть ее, как когда они с Руфью подростками изображали на чердаке сцены из немого кино, принимая эффектные позы, держа между пальцами мундштук от сигареты. Аста Нильсен и Грета Гарбо. Опередить – значит выжить.

Через две недели ее отпустили. 4 апреля. Дома на подоконнике лежала красная георгина и раскрыта книга. Хлопоты родных, действовавших через польского посла, принесли плоды. Но ей всегда казалось, что вывела ее из тюрьмы – звезда.

Влияние звезд на судьбы мира вовсе не метафора. Ведь и чудесная способность минералов точно ориентироваться на магнитный полюс – не выдумка. Звезды испокон веков указывали путь картографам и мореплавателям, посылая сигнал сквозь миллионы световых лет. Если звуковые волны распространяются в эфире на бесконечные расстояния, в какой-то отдаленной точке галактики, должно быть, плывут сквозь скопления светил людские молитвы, псалмы, литаний.

Яхве, Элохим, Гоб, Громовержец – кто бы ты ни был, повелитель стихий и океанов, усмиритель хаоса и истребитель толп, хозяин удачи и погибели, спаси меня. Поезд подъезжал под железную арку к перрону Восточного вокзала. За окном по-будничному сутились пассажиры. Девушка открыла тетрадку и написала:

«Когда нет того мира, в который можно было бы вернуться, остается положиться на судьбу. На способность к импровизации и хладнокровие. Это мое оружие. Им я пользуюсь с детства. Оно до сих пор помогало мне выжить. Я – Герта Похорилле. Родилась в Штутгарте, еврейка с польским паспортом. Я только что приехала в Париж, мне двадцать четыре года, и я жива».

II

Задребезжал дверной звонок, и Герта замерла, затаив дыхание, перед кухонной плитой с чайником в руках. Сегодня она никого не ждала. За окном мансарды серая туча всей тяжестью давила на крыши рю Лобино. Разбитое стекло залеплено пластирем, Руфь так старательно наклеивала его. В этой квартире они жили вдвоем с самого приезда в Париж.

Герта до крови закусила губу. Ей ведь уже казалось, что страх ушел, но нет. Теперь она знала: страх, настоящий страх, если уж поселился в человеке, никуда не денется, он так и сидит внутри, съежившись, прикинувшись осторожностью, мнительностью, даже если причин для него уже не существует, даже если ты в безопасности, даже если давно не в Германии, а в городе, где чуть не под каждой крышей мансарда, зато нет застенков, в которых могут запытать до смерти. Чувство такое, будто в конце любой лестницы не хватает одной ступеньки. Знакомое ощущение, сказала она себе, переводя дух и успокаиваясь, как будто выброс адреналина придал ей смелости. Страх утек на плитки пола вместе с несколькими каплями чая. Страх был старым знакомым, давним попутчиком.

Каждый пассажир знает, где сидит сосед. Ты – там. Я – тут. Все по местам. Возможно, так лучше, подумала Герта. Когда позвонили во второй раз, она медленно опустила чайник на стол и пошла открывать.

Тощий мальчишка с едва заметным пушком над верхней губой склонился перед ней в почтительном поклоне и передал письмо в длинном конверте без почтового штемпеля, но с красно-синей маркой Центра помощи беженцам. Ее имя и адрес были напечатаны на машинке заглавными буквами. Распечатывая конверт, Герта слышала, как кровь стучит в висках, медленно, как у подсудимого в ожидании вердикта. Виновен. Невиновен. Она никак не могла понять, что написано в письме, пришлось перечитать его несколько раз, пока не прошло оцепенение в мышцах и выражение лица не изменилось, как меняется пейзаж, когда солнце выглядывает из-за тучи; она не то чтобы улыбалась, улыбка поселилась внутри ее, завладела ею без остатка – не только уголками губ, но и глазами, взглядом, внезапно устремленным в потолок, как будто там, вверху заплясало в воздухе перышко ангела. Есть слова, которые только братья и сестры умеют говорить друг другу. И как только они их скажут, все встает на свои места, Вселенная снова обретает гармонию. Отрывок из авантюрного романа, прочитанного в детстве вслух на крыльце в ожидании ужина, может оказаться секретным кодом, которого никому больше не дано расшифровать. И потому, когда Герта прочла: «Взору его предстала извилистая река, крепость на берегу и над ее стенами – купола двух соборов, крыши трех дворцов и арсенала». Она видела, как свет керосиновой лампы освещает сначала рукава свитера, плечи, а потом и обложку, на которой юноша со связанными руками бредет по заснеженной дороге за всадником-татарином... Теперь уж сомнений не было: река – это Москва-река, крепость – Кремль, а город – Москва, именно так описанная в первой главе жюль-верновского «Михаила Строгова»². Она с облегчением вздохнула, поняв, что Оскар и Карл в безопасности.

Новость окрылила ее, наполнила восторгом, который тут же потребовал выражения. Хотелось поделиться новостью с Руфью, с Вилли, с остальными. Герта подошла к шкафу и посмотрелась в зеркало: руки в карманах, светлые волосы, короткая стрижка, высоко поднятые брови. Она изучала себя внимательно и осторожно, будто нежданно встреченную незнакомку. Незнакомку ростом метр пятьдесят, маленькую и поджарую, точно жокей. Не красавица, не слишком бойкая, одна из двадцати пяти тысяч беженцев, оказавшихся в этом году в Париже. Блузка с засученными рукавами, серые брюки, острый подбородок. Она подошла ближе к зеркалу и заметила в глазах какое-то особое выражение, что-то вроде необъяснимого,

---

² В русском издании романа этот фрагмент из первой главы с описанием Москвы опущен.

почти неосознанного упрямства, достала из тумбочки губную помаду и, приоткрыв рот, подчеркнула улыбку яростно-алым, почти до неприличия ярким цветом.

Можно оказаться за сотни километров от дома в мансарде Латинского квартала с пятнами влаги на потолке и постоянно ревущими, точно пароходный гудок, трубами канализации, не зная толком, что с тобой будет, без вида на жительство и без денег, кроме тех, которые изредка присылают друзья из Штутгарта, можно ощутить на своей шкуре вечную причину людской бесприютности, разделить отчаяние тех, кто прошел самую длинную тысячу метров в своей жизни, а потом, глянув в зеркало, убедиться, что на лице твоем все еще светится непобедимая жажда счастья, бодрая, неисчерпаемая, неколебимая решимость. «Возможно, – подумала она, – эта улыбка – моя единственная охранная грамота. Самые красные нынче губы в Париже».

Она на бегу сдернула плащ с вешалки, выскочила на улицу и окунулась в парижское утро.

Вот уже несколько месяцев город на берегах Сены кипел идеями, служил колыбелью самых смелых замыслов. Монпарнасские кафе, открытые в любое время суток, для вновь прибывших стали чуть ли не центром мироздания. Здесь обменивались адресами, подыскивали хоть какую-нибудь работу, обсуждали последние новости из Германии, иногда появлялись кое-какие берлинские газеты. Обычно посетитель обходил весь зал, от столика к столику, и так получал полный отчет о событиях дня. Они с Руфью завели привычку встречаться на террасе кафе «Ле Дом», и именно туда направилась Герта своей особой походкой, засунув руки в карманы плаща. Ежась от холода, девушка пересекла рю Сэн. Ей нравился этот сумрачный свет, кафе, открытые ночь напролет, свинцовые водостоки на крышах, распахнутые окна и споры о судьбах мира.

Но было у Парижа и другое лицо. Многих французов наплыв беженцев тяготил. «Парижане обнимают тебя, а потом преспокойно бросают помирать от холода за порогом», – говорила Руфь, и нельзя было с ней не согласиться. Судьба евреев Европы теперь была расписана и на парижских стенах, как раньше на стенах Берлина, Будапешта и Вены... Проходя мимо вокзала Аusterлиц, где ей должны были передать посылку, Герта увидела, как группа парней из «Огненных крестов»³ расклеивает антисемитские листовки на стенах метро, и в глазах у нее потемнело. Опять горький привкус угольной пыли подступил к горлу. Внезапно нахлынувшее чувство совсем не походило на страх, охвативший ее дома, когда позвонили в дверь. Теперь скорее случился неуправляемый взрыв гнева, от которого Герта закричала не своим голосом:

– *Fascistes! Fils de pute!*⁴ – Она сама изумилась, как ясно и четко это у нее вышло, да еще на идеальном французском. Парней было пятеро. Все в кожаных куртках и высоких сапогах, как петухи со шпорами. Но куда, черт возьми, подевалось ее хваленое самообладание и хладнокровие – с опозданием спохватилась Герта. Пожилой господин, выходящий из здания почты, смерил ее с ног до головы осуждающим взглядом. Несдержанность так раздражает французов.

Самый высокий из парней подскочил и помчался за ней прыжками. Можно было укрыться в ближайшем магазине или кафе, да хоть на той же почте, но почему-то это не пришло девушке в голову. Она просто резко свернула на другую улицу, узкую, с нависающими балконами, и шла, стараясь не ускорять шаг, прижимая сумку к животу, как будто инстинктивно защищаясь ею, слушая шаги за спиной, но не решаясь обернуться. Через полквартала Герта разобрала, что кричит ей преследователь. Голос – как лезвие ножовки. И тут она побежала. Со всех ног. Не важно куда, будто бежать заставляла не угроза, а нечто иное, нечто давящее изнутри. Герта неслась вперед, словно пытаясь выбраться из лабиринта, в котором оказалась пленницей. А она ведь и вправду была в лабиринте. Во рту пересохло, к горлу подступала горечь стыда и унижения, как в детстве, когда одноклассницы смеялись над ее привычками.

---

³ «Огненные кресты» (Les Croix de Feu), «Боевые кресты» – военизированная фашистская организация во Франции в период между двумя мировыми войнами.

⁴ Фашисты! Сволочи! (фр.)

Она снова стала той девочкой в белой блузке и юбке в складку, которой нельзя было в субботу прикасаться к монетам и которая в глубине души злилась на то, что она еврейка, ведь это делало ее уязвимой. Еврейство – это синий шарф, втоптанный в снег на пороге бакалейной лавки, и мать на корточках с опущенной головой. Герта лавировала между пешеходами, чуть не сталкиваясь с ними лицом к лицу, и тогда они оборачивались и с удивлением глядели ей вслед: от кого это девушка убегает сломя голову? Скорее всего, от себя самой. Герта свернула в переулок с серыми мансардами, пропахший супом из цветной капусты, от запаха которого ее чуть не вывернуло наизнанку. Не оставалось ничего, кроме как остановиться. Она ухватилась за водосточную трубу, и тут ее все-таки вырвало всем, что она съела на завтрак.

Уже за полдень добралась она до террасы кафе «Ле Дом». Вся в поту, влажные волосы откинуты со лба.

– Что, черт возьми, с тобой случилось? – спросила Руфь.

Герта еще глубже засунула руки в карманы и, нахолившись, забилась в плетеное кресло, но ничего не ответила. По крайней мере, не ответила прямо.

– Сегодня вечером я собираюсь в бар «Капулад», – вот все, что она смогла сказать. – Пойдешь со мной – буду рада, не хочешь – пойду одна.

Руфь посмотрела на нее внезапно серьезным, оценивающим взглядом. Девушки слишком хорошо знали друг друга.

– Уверена, что стоит?

– Да, – ответила Герта.

Это могло означать что угодно, подумала Руфь. В частности, возвращение к прошлому. Возвращение в те места, из которых они, как им казалось, бежали. Но она промолчала. Все было понятно. Как не понять подругу? Ведь сама Руфь готова была провалиться сквозь землю, когда людей, которые обращались в четвертый отдел Центра помощи беженцам, где она работала, приходилось перенаправлять в другие районы, где, как ей было прекрасно известно, тоже уже никого не принимают, потому что жилья и еды не хватает на всех. Наибольший наплыв случился в самый тяжелый момент, когда уровень безработицы во Франции взлетел до небес. Многие французы считали, что у них отбирают хлеб, так что антиеврейские демонстрации проходили все чаще и чаще. Кольцо сжималось.

Беженцам приходилось передавать из рук в руки одну и ту же банкноту в тысячу франков, чтобы предъявить ее на французской таможне в подтверждение платежеспособности и получить право на въезд. Правда, Герта и Руфь не были такими уж беззащитными. Молодые и симпатичные, окруженные друзьями, со знанием иностранных языков и умением подать себя.

– Тебе подходящего кавалера не хватает, – сказала Руфь, прикуривая и давая таким образом понять, что хочет сменить тему. – Будь у тебя парень, тут же расхотелось бы усложнять себе жизнь. Ты не умеешь быть одна, Герта, признай это. Отсюда и завиральные идеи.

– Я не одна. У меня есть Георгий.

– Георгий слишком далеко. – Руфь снова взглянула на нее слегка осуждающе. Вечно она была для Герты нянькой, и не потому, что старше на несколько лет, а просто так сложилось. И вот теперь Руфь переживала, что Герта опять вlipнет в историю, и старалась не допустить этого, не понимая, что иногда судьба путает все карты, бывает, бежишь от собаки и – прямо в лапы волку. То, чего не ждешь, происходит легко, внезапно, как будто могло и не произойти. Встреча случается, письмо приходит. Все наступает в свой черед. Даже смерть, но ее еще надо научиться ждать. – Сегодня я познакомилась с одним венгром, почти сумасшедшим, – добавила она, заговорчивски подмигнув. – Он хочет меня сфотографировать. Говорит, ему нужна блондинка для рекламной кампании. Представляешь, шведская страховая фирма… – и улыбнулась чуть насмешливо, но и гордо. Руфь действительно очень подходила для рекламных снимков. Румяная, пышущая здоровьем, со светлыми густыми волосами до плеч, косой пробор слева с элегантным завитком на лбу – в общем, вылитая киноактриса. Герта, стриженная под

мальчика, скуластая, с озорными искрами в золотисто-зеленоватых глазах, выглядела рядом с ней всего лишь девушкой, которая «тоже по-своему хороша».

Сейчас обе от души хохотали, откинувшись на спинки плетеных кресел. Именно за это Терта больше всего ценила свою подругу: за умение во всем видеть смешную сторону, за то, что та знала, как развеселить ее, отвлечь от мрачных раздумий.

– Сколько он тебе заплатит? – спросила она по-деловому, не забывая, что веселье весельем, но жить-то им не на что. Не впервые позирование помогало оплатить несколько дней аренды или на худой конец один скромный ужин.

Руфь покачала головой, будто искренне сожалея, что не оправдала ожиданий Терты.

– Он из наших. Еврей из Будапешта. Сидит без единого франка.

– Жаль. – Герта изобразила по-театральному подчеркнутое разочарование. – Хоть красивый? – пошутила она, на миг превращаясь в веселую и легкомысленную теннисистку из клуба «Вальда». Но это была лишь тень далекого прошлого. Хотя – кто знает? Возможно, в ней уживались, то и дело споря друг с другом, две разные женщины. Ерейка-подросток, мечтавшая стать Гретой Гарбо, обожавшая этикет, дорогие платья и старые, затверженные наизусть стихи, и суровая, но мечтательная активистка, желающая изменить мир. Грета и Терта. Сегодня вечером поле боя должно было остаться за второй.

Бар «Капулад» располагался в душном подвале в доме номер 63 по бульвару Сен-Мишель. Там вот уже несколько месяцев собирались левые со всей Европы, многие – немцы, некоторые – из Лейпцигской группы, как, например, Вилли Хардак. Поздно вечером в баре царил полумрак, казалось, что ты в катакомбах. Все были тут: и нетерпеливые, и суровые, и жесткие, и сторонники прямого действия, и доверчивые. Горящие глаза, напряженные лица, новости полуслепотом: Андре Бретон решил вступить в компартию, а вот что пишут в передовице сегодняшней «Правды»… Сигарета выкуривается за сигаретой, одни цитируют Маркса, другие – Троцкого, столкновение идей, отречение от идей, теоретизирование, полемика. Герта не участвовала в идеологических спорах, сидела в стороне, погрузившись в свои мысли. Смысл дискуссии доходил до нее не всегда. Герта пришла сюда, потому что была еврейкой и антифашисткой и, может быть, отчасти из гордости, так что не слишком уютно чувствовала себя в атмосфере аксиом, цитат, проклятий, рассуждений о диалектическом и историческом материализме. В голове крутились другие слова, те, что она услышала этим утром у вокзала Аустерлиц. Слова, которые иногда удавалось забыть, но в самый неожиданный момент они все равно всплывали снова, и снова резали будто пилой по живому:

– *Je te connais, je sais qui tu es*⁵.

---

⁵ Я тебя узнал, я знаю, кто ты (фр.).

III

Она задумчиво брела позади, стараясь быть как можно незаметнее. Руфь настояла, пришлось ее сопровождать. Свет пробивался сквозь кроны Люксембургского сада, и казалось, будто гуляешь под гигантским стеклянным сводом. Самая что ни на есть литературная прогулка: герои скольких книг устраивали здесь променад по воле авторов! Вдруг Руфь (она была в пальто цвета граната) остановилась под конским каштаном, прислонилась к стволу и улыбнулась. Щелк! У нее определенно талант модели. Ее профиль навевает воспоминания о классической живописи. Над головой Руфи – узкий кусок неба, похожий на челюсть антилопы. Щелк! Вот она уже идет дальше, подняв воротник, делает три шага и оборачивается, насмешливо глядя в объектив и чуть склонив голову набок. Щелк! Вот бюсты великих: Флобер, Бодлер, Верлен... Руфь и бровью не ведет. Но бюсту Шопена слегка поклонилась. Щелк! Солнечный свет, совсем как на картине, струится сквозь верхние ветви деревьев, под ногами хрустит гравий главной аллеи, французы вечно стремятся упорядочить пространство, понаставить везде заборов, решеток, проложить дорожки в чистом поле. Вот Руфь присела у пруда, окунула пальцы и шутя плеснула водой в сторону фотографа. Щелк.

Герта наблюдала молча, будто происходящее ее совсем не касалось. В конце концов, она только потому и пришла сюда, что подруга не вполне доверяла венгру. Но и Герту завораживала эта игра. Она никогда не интересовалась фотографией, но угадывать невидимые движения ума, избирающего мизансцену для каждого кадра, показалось увлекательным. Все равно что охотиться.

Камера «лейка» была компактной и легкой, с затвором-шторкой, большим диапазоном выдержек и двухлинзовым объективом.

– Только что выкупил ее из ломбарда, – с улыбкой объяснил венгр, не выпуская изо рта сигарету. Звали его Эндре Фридман. Глаза черные, чернущие, спаниельи, на левой брови крошечный шрам полумесяцем, свитер с высоким завернутым воротом, сам импозантный, как киноактер, с легкой презрительной гримасой, угадывающейся в уголках губ. – Это моя невеста, – пощупил он, поглаживая камеру. – Жить без нее не могу.

Пришел он на встречу с приятелем – поляком Давидом Сеймуром, тоже фотографом и тоже евреем. Тот был худ и застенчив, носил интеллигентские очки и отзывался на прозвище Чим. Похоже было, что они с Эндре давние друзья. Из тех, кто, когда пошла плохая масть, молча ставит на стол стакан и не жалуется, что бы ни случилось. Почти как у Герты с Руфью, но немного по-другому. У мужчин всегда все иначе.

На обратном пути в Латинский квартал разговорились о жизни, о том, кто откуда родом, как попали сюда, о судьбе беженца... Но в каких декорациях! Париж, сентябрь, высокие платаны, время, летящее стрелой, когда ты молод или далеко от дома, например тут, на rue Шерш-Миди, где звуки аккордеона, словно красноперые рыбки, скользят над тротуарами... Герта уже успела разобраться в ситуации. Она шла рядом с Эндре, как будто так и надо. Им легко было попадать в ногу, они не сталкивались, не сбивались, но все же соблюдали дистанцию. Герта неторопливо затягивалась сигаретой и говорила, не глядя Эндре в глаза, однако пристально его изучая. Фотограф показался ей немного самодовольным, красивым, амбициозным, иногда слишком предсказуемым, впрочем, как и все, соблазнительным, но в то же время довольно вульгарным, недостаточно утонченным, невоспитанным. И как раз когда они шли через дорогу к каналу Сен-Мартен, его дерзкая рука просочилась Герте под свитер и коснулась талии. Всего на долю секунды, но хватило и этого. Обожгло как спичкой! Первая реакция – оборона. Что о себе вообразил этот венгр! Она резко повернулась, готовая наговорить гадостей, глаза гневно сверкали, будто зеленые угли. Эндре лишь слегка улыбнулся, искренне и беспомощно, почти застенчиво, как ребенок, которого поймали на шалости. Во взгляде у него мелькнуло что-то

такое... какая-то обаятельная неуверенность. Его желание понравиться было так очевидно, что Герта вдруг расчувствовалась почти как в детстве, когда ее, бывало, отругают ни за что и она сидит на крыльце, изо всех сил стараясь не плакать. «Осторожно! – подумала она. – Осторожно. Осторожно».

Сеанс фотосъемки вышел как минимум познавательным. Эндре и Чим говорили о фотографии, как будто речь шла о миссии тайного общества, о новой секте эзотерического иудаизма, чьи интересы простираются от митинга в поддержку Троцкого в Копенгагене до европейского турне американских комиков Лорела и Харди, которых Эндре недавно снимал. Герте этот способ заработка показался интересным.

– Не думай, что все так радужно, – поспешил он ее разочаровать. – Конкуренция слишком велика. Половина беженцев в Париже – фотографы или мечтают стать фотографами.

О секретах печати, о 35-миллиметровой пленке, о размере диафрагмы, о ручной сушке и глянцевателях Эндре говорил словно о ключах, открывающих дверь в новую вселенную. Герта слушала и запоминала. Ей нравилось узнавать новое.

До конца дня они так и бродили от площади к площади, по пути заходя в кафе, пережиная мгновения, когда слова еще мало значат и все происходит легко. Руки Эндре, сложенные лодочкой, чтобы защитить от ветра огонек сигареты. Смуглые надежные руки. Манера Герты ходить, уставившись под ноги, улыбаясь и повернувшись чуть-чуть влево, как будто давая ей место рядом с собой. Руфь тоже улыбалась, но по-другому, чуть грустно и смиренно, уступая главную роль подруге и будто говоря про себя: надо же, вот тебе и тихоня. Но на самом деле она так не думала. Их женское соперничество всегда было не более чем игрой. Она шла позади, занимая разговором поляка. Такова была ее роль в этот вечер, и Руфь прекрасноправлялась. Сегодня я постараюсь для тебя. Завтра – ты для меня. Чим глядел на нее со смесью восхищения и снисходительности, как смотрят мужчины на заведомо недоступных им женщин. Каждый по-своему ощущал влияние луны, показавшейся на краешке неба, яркой, сияющей луны, похожей на жизнь, полную скрытых до поры возможностей, математических случайностей, жизнь, в которой царит принцип неопределенности. А где-то вдали, на ночной площади разноцветные фонари, патефонная музыка... Они поужинали вчетвером в ресторане, куда их привел Эндре, в зале с маленькими столиками, накрытыми скатертями в красно-белую клетку. Заказали что подешевле: пшеничный хлеб, сыр и белое вино. Чим указал на один из столиков в глубине зала, к которому то и дело кто-то подходил. Центром притяжения был, по-видимому, высокий тип в вязаной шапочке с чем-то вроде шахтерского фонаря на лбу.

– Это Ман Рей, – сказал Чим. – Вокруг него всегда полно писателей. А вон тот, рядом с ним, в галстуке, с худощавым лицом, – Джеймс Джойс. С приветом парень. Ирландец. Когда напьется, стоит его послушать. – После этого Чим указательным пальцем вернул на переносицу сползшие очки и снова замолчал. Он обычно помалкивал, но, если уж раскрывал рот – трезвый ли, пьяный, – всегда говорил как будто что-то очень личное, тихим голосом, словно бы себе за пазуху. Герта сразу почувствовала к нему симпатию. Чим показался ей застенчивым и очень образованным, как учений талмудист.

Пластинка голосом Жозефины Бейкер пела *J'ai deux amours*⁶, и песня навевала воспоминания об узких темных улицах, извилистых, как угри. Разговоры плавали и тонули в клубах сигаретного дыма. Обстановка располагала к откровенности.

В беседе верховодил Эндре. Сыпал словами, словно пытаясь соорудить из них мост между собеседниками. Говорил горячо, самоуверенно, иногда замолкал, чтобы затянуться сигаретой, и тут же принимался что-то рассказывать снова. Они с другом в Париже больше года, сообщил он, пытаются пробиться, как-то выживают за счет рекламной съемки и случайных заработков. Чим сотрудничал с журналом «Регар» французской компартии, а Эндре пере-

---

⁶ У меня две любви (фр.).

бивался отдельными заказами от разных агентств. Важно было иметь друзей. У Эндре они были. И в Центральном агентстве, и в Англо-континентальном – люди из венгерской диаспоры, эмигранты вроде Гюга Блока, надежного парня – если допустить, что на венгров вообще можно положиться. Фотограф шутил, улыбался, говорил не умолкая. Иногда посматривал в глубину зала, но потом снова оборачивался к Герте, заглядывая ей в самую душу. Вот мои верительные грамоты, как бы говорил он. Девушка слушала его задумчиво, слегка склонив голову. В ее глазах не было легкомысленных обещаний. В них проглядывало нечто суровое, осуждающее, словно Герта сравнивала только что услышанное с чем-то слышанным давно и приходила к не самым утешительным выводам. Эндре казалось, что глаза у нее удивительно ясные, цвета оливкового масла, с зелеными и фиолетовыми прожилками, как те цветы, которые в детстве он видел на городских клумбах в Будапеште. Хотелось быть с ней откровенным, и он продолжал рассказывать. Ассоциация революционных писателей и художников тоже иногда их выручала. Солидарность беженцев. Именно на собраниях ассоциации они познакомились с Анри Картье-Брессоном, высоким аристократичным нормандцем, отчасти сюрреалистом, и стали вместе печатать фотографии и промывать свежеотпечатанные снимки в биде у него на квартире.

– Если на тебя навесят ярлык фотографа-сюрреалиста – пиши пропало, – сказал Эндре на своем ломаном, но старательном французском. – Заказов не получишь. Превратишься в оранжерейный цветок. Но если скажешь, что ты фоторепортер, весь мир – твой.

Он не ждал прямых вопросов, чтобы рассказать о своей жизни, а был весь устремлен вовне, этакий говорун, с эмоциями через край. Герте он показался совсем юным. На глаз она дала ему двадцать четыре – двадцать пять. На самом деле ему едва исполнилось двадцать, и он до сих пор был наивен, как все мальчишки, играющие в героев, преувеличивал и приукрашивал собственные подвиги. Но оратором Эндре был гениальным, стоило ему раскрыть рот – и все вокруг замирали. Как, например, когда он рассказывал о беспорядках в день вступления в должность правительства Даладье. Герта и Руфь прекрасно помнили эти события. 6 февраля, льет дождь. Фашисты созвали грандиозную манифестацию напротив Бурбонского дворца, и левые в ответ организовали несколько контрманIFESTаций. Результат – уличные бои.

– На машине Гюга я добрался до Тур-ля-Рен, а потом пешком – до Пляс-де-ля-Конкорд. Оттуда хотел по мосту дойти до Национальной Ассамблеи. – Эндре перешел на немецкий, которым владел гораздо лучше. Он сложил руки на груди и оперся о стол локтями. – Там было сотни две конных полицейских, в колонне по пять. Перейти на ту сторону было невозможно. Но тогда люди окружили какой-то пассажирский автобус, и тут-то все и началось: вспыхнул огонь, полетели камни, зазвенели стекла, рукопашная между фашистами из «Аксон Франсез», из «Жёнес патриот» и нашими. Ночью – того хуже. Не осталось ни одного целого фонаря. Свет – только от факелов и костров. – Поднося сигарету к губам, Эндре пристально смотрел на Герту. В его голосе звучала не только горячность, были тут и хвастовство, и азарт, и мужское тщеславие. Все, что заставляет взрослых мужчин по-детски корчить из себя киношных ковбоев. – Всё в дыму, а тут еще и дождь. Мы знали, что бонапартисты сумели подойти очень близко к Бурбонскому дворцу, так что перегруппировались, чтобы преградить им дорогу. Но полиция начала стрелять с моста. Несколько снайперов сидели на конских каштанах на Тур-ля-Рен. Настоящая бойня: семнадцать убитых и больше тысячи раненых. – Эндре выдохнул дым. – И хуже всего, – добавил он, – что я не смог сделать ни единого кадра. Света не хватало.

Герта внимательно на него смотрела, облокотившись о стол и уперев в ладонь подбородок. Бориса Тальхайма в тот день задержали и отправили обратно в Берлин, как и многих других товарищей. Социалисты и коммунисты не уставали поливать друг друга грязью, доходило до стычек. Ее другу Вилли Хардаку разбили голову и сломали ключицу. Все кафе на Левом берегу превратились в импровизированные лазареты… а у этого самовлюбленного венгра главная трагедия в том, что он чертову фотографию не смог сделать. Ну-ну.

Чим наблюдал за ней сквозь толстые стекла очков, за которыми глаза казались крошечными, и Герта знала, что поляк читает ее мысли и, скорее всего, не согласен с ней. Казалось, в глубине его зрачков светится убежденность в том, что никто не имеет права никого судить. Знает ли она хоть что-то об Эндре? Может ли влезть ему в голову? Или они ходили вместе в школу? Или она сидела когда-нибудь с ним до рассвета на заднем крыльце, гладя кошку, чтобы не слышать, как скандалят родители, после того как отец проиграл в карты всю месячную зарплату? Нет, разумеется, Герта ничего не знала ни о его жизни, ни о том, как живется в рабочих кварталах Пешта. Откуда ей было знать? Когда Эндре было семнадцать лет, после беспорядков на Цепном мосту двое корпulentных господ в котелках пришли за ним домой. В полицейском управлении главный комиссар Петер Хайм сломал ему четыре ребра, не переставая насвистывать Пятую симфонию Бетховена. Первый прямой в челюсть Эндре встретил своей обычной циничной ухмылкой. Комиссар в ответ пнул его ногой в пах. В этот раз парень не улыбнулся, но посмотрел на комиссара со всем презрением, на какое был способен. Удары сыпались один за другим, пока Эндре не потерял сознание. Несколько дней он провел в коме. Через две недели Эндре все же выпустили. Его мать, Юлия, купила ему две рубахи, пиджак, ботинки для горного туризма на двойной подошве, две пары шаровар – словом, все обмундирование беженца – и посадила семнадцатилетнего сына в поезд. С тех пор дома у него не было. Что Герта могла знать обо всем этом? – казалось, говорили глаза Чима, внимательно следившие за девушкой из-за круглых стекол.

Казалось бы, между парнями вроде Чима и Эндре приятельских отношений быть попросту не может, однако они поддерживали друг друга, как две планеты в космическом пространстве. До чего же разные, подумала Герта. Чим прекрасно говорил по-французски. Казался серьезным, как философ или шахматист. По паре брошенных им реплик Герта могла судить, что Чим убежденный атеист, однако еврейство проявлялось в нем, как и в ней, особой тоской. А Эндре, похоже, не желал усложнять себе жизнь национальным вопросом. Он усложнял ее, судя по всему, чем-то другим. Тем, чем ее обычно усложняют мужчины. Все началось с того, что некий высокий усатый тип обратился к Руфи не то чтобы грубо, скорее с галантностью, правда изрядно приправленной алкоголем. В общем, ничего особенного, ничего такого, с чем женщина не смогла бы справиться сама, без скандала поставив француза на место. Но Эндре не дал ей времени ответить, он вскочил, отбросив стул так резко, что все посетители обернулись. Локти в стороны, мышцы напряжены.

– Успокойся, – сказал Чим, тоже вставая и снимая очки на случай, если придется драться.

К счастью, не пришлось. Тип лишь поднял левую руку, показывая, что сдается и просит прощения. Вежливый француз, хоть и пьяный. Или не желающий нарваться в этот вечер на неприятности.

Однако друзьям-фотографам, похоже, оказываться в такой ситуации было не впервые, отметила Герта. Она была уверена, что не однажды дело решалось совсем иначе – это было сразу видно. Есть мужчины, у которых внутри с рождения специальная пружина, взведенная для драки. Возможно, помимо воли инстинкт заставляет их бросаться в бой при любом удобном случае. Похоже, что венгр был как раз из таких, ярый борец за справедливость, привыкший покорять сердца женщин неизменным арсеналом странствующего рыцаря, с опасной склонностью к дуэлям перед предпоследней рюмкой.

В остальном Эндре был – или старался казаться – легкомысленным и ветреным, как в жизни, так и в работе. Он обладал исключительным чувством юмора. Ему было легко смеяться и над собой, и над своими дурацкими поступками, как, например, когда он за один день спустил весь аванс, выданный Центральным агентством, и пришлось закладывать камеру «плаубель», чтобы оплатить гостиницу, или когда испортил «лейку», пытаясь снимать ею под водой Средиземного моря, делая репортаж из Сен-Тропе для братьев Штайниц. Их агентство вскоре разорилось, и Эндре гордо заявлял, что погубил их он. Беззаботная, типично венгерская манера

Эндре шутить над собственными промахами сразу же располагала к нему собеседников. Он мог запросто прикинуться циничным, достаточно было скромной усмешки, способной выразить все что угодно. А вдобавок – пожать плечами, будто ему абсолютно безразлично, кого снимать – большевика-революционера или богачей, развлекающихся на самом шикарном курорте Ривьера. Это двурушничество, как ни странно, не было Герте так уж неприятно. В конце концов, и ей нравились дорогие духи и ночи под луной с шампанским.

Герта не смогла бы сказать, что ее настораживало в этом венгре, вопросительно глядящем на нее, обхватив ладонью одной руки локоть другой и сжимая между пальцами сигарету. Но что-то такое было.

Эндре Фридман, казалось, был из тех, кто всегда приземляется на ноги, как кошка. Он мог провалить задание, не потеряв доверия начальства. Мог ехать в немецком поезде без визы в паспорте, с невозмутимым видом показывать контролеру счет из ресторана вместо документов, и все ему сходило с рук. Одно из двух: или он большой ловкач, или у него дар всегда склонять чашу весов в свою сторону. Ни то ни другое, если вдуматься, не обнадеживало.

– Знаешь, что такое быть везучим? – спросил Эндре, глядя девушке прямо в глаза. – Быть везучим – это оказаться в берлинской пивной как раз в тот момент, когда нацист замахнулся, чтобы проломить череп сапожнику-еврею, а ты как раз не сапожник, а фотограф, и у тебя есть время достать камеру. Везение – это что-то, что ты носишь на подошвах ботинок. Или оно есть у тебя – или нет. – Герта вспомнила о своей звезде. «У меня – есть», – подумала она.

Эндре откинул волосы со лба и еще раз рассеянно глянул в глубину зала. Иногда он будто плывал куда-то. Все мы по чему-то тоскуем. По дому, по улице, где в детстве играли, по паре старых лыж, по ботинкам, в которых ходили в школу, по книге, по которой учились читать, по голосу, торопящему нас допить наконец этот несчастный стакан молока, по швейной мастерской на заднем дворе, по скрипу педалей. Родины не существует. Это выдумка. Существует место, где мы когда-то были счастливы. Герта заметила, что Эндре иногда уходит туда. Он говорил со всеми, хвастался, улыбался, курил, но вдруг взгляд его менялся – и вот Эндре уже был далеко. Очень далеко.

– Ты в конце концов окажешься с ним в постели, – предрекла Руфь, когда на рассвете они добрались до дома.

– Ни за что, – ответила Герта.

IV

Любая жизнь, какой бы короткой она ни казалась, полна путаницы, необъяснимых ситуаций, стрел, улетающих в облака, как самолеты-призраки: фьюить! – и пиши пропало. Трудно осмыслить все это, даже для того, чтобы рассказать себе самому. На помощь приходят психоаналитики – дозорные страны снов, полной зыбучих песков, винтовых лестниц, текучих циферблатов и тому подобных диковин. Но сны Герты не давались в руки, не желали влезать ни в какие рамки. Они были слишком свои. Чем была ее молодость до сих пор? Предательством по отношению к близким или стремлением к новой жизни?

Она нашла место секретаря с частичной занятостью и скромной зарплатой у врача-эмигранта Рене Шпица, ученика Фрейда. Толкование сновидений занимало немалое место в его практике. Мир психоанализа интересовал Герту и раньше, а теперь, когда работы было поменьше, она с такой жадностью набрасывалась на чтение отчетов о работе с пациентами, будто хотела разгадать секрет собственной жизни.

От сновидений люди защищаются по-разному. Иногда, прия домой, Герта садилась на кровать и брала в руки коробочку из-под айвового мармелада, в которой хранила свои сокровища: сережки из египетского янтаря, фотографии, серебряную медальку с изображением корабля и рисунок пером – эфесский порт, – который подарил прошлым летом Георгий. Внезапно ей понадобилось ухватиться за эти сокровища, как за соломинку, будто они могли защитить от чего-то. От кого-то. Она заслонилась Георгием, как броней. Говорила о нем круглые сутки. Заставляла себя писать ему как можно чаще. Строила планы о том, как поедет к нему в Италию. Что-то грызло Герту изнутри, смущало, тревожило, и она искала спасения в знакомой и привычной любви. То был ее лимб, зачарованная земля между реальностью и фантазией. Но отчего все это? Руфь глядела на подругу и ничего не говорила. Зашитные механизмы Герты были знакомы ей с детства.

Когда Герте было девять лет и подруги учились в школе имени королевы Шарлотты, учительница однажды в наказание запретила ей выходить во двор. Герта заявила, что ей наплевать и что она вообще терпеть не может гулять во дворе. Когда фрау Хеллен отменила наказание, девочка продолжала стоять на своем. Целый год она не выходила из класса на переменах, сидела за партой и читала назло учительнице, чтобы та не возомнила, будто обидела ее. И не то чтобы Герта была гордячка. Она просто была другая. Ей никогда не нравилось быть еврейкой. Она выдумывала невероятные сказки о своем происхождении, вроде истории Моисея, которого в младенчестве выловили из реки. То Герта оказывалась дочерью норвежских китобоев, то пиратов (смотря какую книгу в это время читала), то братья ее становились рыцарями Круглого стола, то будто бы у нее была своя звезда…

Но случались и другие сны, конечно, случались. Озеро, стол, покрытый льняной скатертью, ваза с тюльпанами, книга Джона Рида и пистолет. Это было совсем другое дело.

Однажды, идя с работы, она услышала шаги за спиной, но обернулась и никого не заметила, только клубок деревьев и улиц. И пошла дальше от Порт-д'Орлеан по пустырям за бульваром Журдан, все время со смутным беспокойством чуя что-то спиной – тихий скрип резиновых подошв? Временами порыв ветра взметал охапку листьев и бумажек и чуть не поднимал Герту над землей: что уж там, всего килограммов пятьдесят. Она куталась в пальто, глубоко надвинув серый берет, искоса поглядывала в витрины закрытых магазинов, но не видела там ничьих отражений. Это все октябрь, его тревожные тени.

Герта похудела, видимо от усталости. Спала плохо, мучили воспоминания. Казалось, что из Лейпцига она уехала лет сто назад, но и здесь, в этом городе, не нашла себе места. «Я знаю, что когда-то приехала в Париж, – рассказывала она Рене Шпицу однажды вечером, смеясь, – и халат медсестры на кушетку пациента. – Я знаю, что жила какое-то время взаймы, делая

то, что делали другие, думая о том, о чем думали другие». И это было правдой. Все чаще ее мучило ощущение, что она живет не своей жизнью. Но какая – своя? Каждое утро Герта пристально разглядывала собственное отражение в зеркале над умывальником, изучала каждую черточку, как будто вот-вот должна была измениться, и боялась не узнать себя. И однажды изменилась-таки. Взялась за края раковины обеими руками, наклонилась, засунула голову под кран на несколько минут, а потом поднялась и отряхнулась, как промокшая под дождем собака. И снова посмотрелась в зеркало. А потом очень старательно намазала каждую прядь хной и зачесала волосы пятерней назад. Ей нравился цвет засохшей крови.

– Ты похожа на енота, – сказала Руфь, придя домой и застав ее на диване за книгой, под грудой одеял. В обрамлении рыжих волос лицо казалось более худым и жестким.

Дома Герта не стеснялась быть такой, какая есть. Но вне дома, на вечеринках, в кафе, становилась другой. Раздвоиться – первое правило выживания. Внешняя жизнь не должна иметь ничего общего с тем, что происходит внутри. Этому она научилась в раннем детстве. Как и тому, что по утрам в школе надо говорить на правильном немецком, а дома лучше перейти на идиш. Вечером, в пижаме, свернувшись клубочком под одеялом, с книгой, Герта становилась бедной странницей перед неприступными воротами чужого города. Но стоило выйти за порог, как она опять превращалась в улыбчивую зеленоглазую принцессу в широченных брюках, сводящую с ума всю левобережную парижскую богему.

Париж был сплошным праздником. Дадаисты могли превратить любой вечер в импровизированный спектакль с помощью велосипедного колеса, проволочного ящика и ночного горшка. Курили, пили все больше и больше: водку, абсент, шампанское… Каждый день создавали новый манифест, декларацию, заявление. То в поддержку массового искусства, то в защиту индейцев Араукании, то о «Кабинете доктора Калигари», то о японских карликовых деревьях… Тем и занимали свободное время. Свежеиспеченные тексты часто противоречили тем, что создавались накануне. Париж вертелся бешеной каруселью, увлекая за собой Герту. Она подписывала манифесты, участвовала в митингах, прочла «Удел человеческий» Мальро, купила билет в Италию, но так и не поехала, напилась несколько раз до чертиков, но главное – опять встретила его. Его. Эндре. И он ей даже приснился. Пожалуй, это был кошмар. Он, возбужденный, сдавливал ей грудь и не давал дышать. Терта проснулась от собственного крика и в ужасе уставилась на подушку. Боялась шевельнуться, боялась опять класть на нее голову. А может, этот сон был после, кто его знает… Не так уж это важно. Главное, что она снова встретилась с ним. Бывают случайности. Но есть и судьба. Были вечеринки, общие друзья, фотографы, или электрики, или неудавшиеся поэты. К тому же мир, как известно, тесен, и где-нибудь в нем обязательно найдется балкон, вернее, терраса, откуда видна Сена и где слышен голос Жозефины Бейкер, навевающий воспоминания об узких темных улицах как раз тогда, когда она оборачивается, а венгр берет ее под локоть и спрашивает:

– Это ты?

– Ну, – отвечает она в сомнении, – не всегда.

И вот они уже смеются, будто давние сообщники.

– Я тебя сначала и не узнал, – признался Эндре, глядя на нее удивленно-насмешливо, слегка прищурив левый глаз, как будто вот-вот собирается щелкнуть затвором фотоаппарата, а пока прицеливается, как охотник, следящий за дичью. – Тебе идет рыжина.

– Наверное, да, – согласилась Герта, снова блокачиваясь о перила балкона. Хотелось сказать что-то о том, как прекрасна сегодня река под луной, но тут она услышала, как Эндре сказал:

– Неудивительно, что ночами, вроде этой, люди бросаются с мостов.

– Что?

– Ничего, считай, что это стихи.

– Я просто не расслышала из-за музыки.

— Я говорю: иногда тянет покончить с собой, рыженькая. Теперь расслышала? — сказал он на этот раз достаточно громко, глядя ей в глаза и крепко держа за подбородок, но все еще улыбаясь, не без сарказма, уголками губ.

— Да, теперь я расслышала, и кричать необязательно, — невозмутимо ответила Герта, отбирав у него стакан. Только сейчас ей стало ясно, что фотограф в дымину пьян.

Вскоре они уже брали вдвоем вдоль реки. Эндре надо было выговориться, и Герта слушала его внимательно и сочувственно, словно человека, охваченного жаром или заболевшего чем-то неопасным, тем, что скоро пройдет.

Был ли его недуг и впрямь не опасен и как он звался — разочарованием, задетым самолюбием, желанием быть любимым, усталостью? Эндре только что вернулся из Саара, где готовил репортаж для журнала «Вю». «Саар...» — произнес он как сквозь сон.

И Герта поняла, что он хотел сказать. Лига Наций, уголь, «бонжур», «гутен таг»... и прочее. Эндре сказал, что приехал в Саарбрюккен в последних числах сентября, на улицах повсюду висели флаги и плакаты со свастикой. Они прошлись еще по набережной, слегка покачиваясь — он покачивался явно сильнее, чем она, — посмотрели на луну, подняли воротники пальто, спасаясь от речной прохлады. Он ездил в Саарбрюккен с другом-журналистом, которого звали Горта, продолжал Эндре, с типом, больше смахивающим на персонажа Достоевского, чем Джона Рида. У него такие длинные прямые патлы, как у индейца. Облака угольной пыли проникали повсюду, завивались смерчами. Бывают ветра устойчивые, а бывают неустойчивые — те, что, внезапно меняя направление, способны свалить всадника вместе с лошадью. Ветра, закручающие в обратную сторону стрелки часов, ветра, которые могут дуть годами, ветра из прошлого, не ослабевающие и в настоящем.

Рассказывал Эндре не слишком связно. Перескакивал с пятого на десятое, с трудом подбирал слова, однако Герта почему-то, по крайней мере этим вечером, обрела дар обращать его бормотание в живые картины: на первом плане — велосипедист, читающий списки, расклеенные нацистами на фонарных столбах, чуть дальше — рабочие, попивающие пивко под огромной свастикой или отдыхающие в тени контейнеров, грязно-серое небо, главная улица Саарбрюккена с флагами, вывешенными на балконах, люди, выходящие из ворот заводов, из дверей кафе и приветствующие друг друга словами «Хайль Гитлер», вскидывая руку с беспечной, невинной улыбкой, с какой желают счастливого Рождества.

Оставалось еще несколько месяцев до плебисцита, на котором жители должны были решить, присоединиться ли территории к Франции или войти в состав Германии. Но судя по фотографиям, результат голосования был предрешен. Весь угольный бассейн находился под влиянием фашистов. «Саар. Внимание! Высокое напряжение» — назывался репортаж. Текст и фотографии нашего специального корреспондента Горта. Имя Эндре нигде не упоминалось. Как будто он и не снимал ничего.

— Меня не существует, — сказал Эндре, глубоко засунув руки в карманы пиджака и пожимая плечами, но Герта прекрасно видела, что вертикальные морщины по углам его рта стали жестче. — Я никто, — горько улыбнулся он. — Призрак с камерой. Призрак, фотографирующий других призраков.

Возможно, именно тогда она решила подобрать его, как подбирают щенка. Такие грустные спаниельги глаза были у Эндре в тот вечер на берегу Сены. Сидя рядом с ним на скамейке, обхватив руками подтянутые к подбородку колени, Герта слушала шелест деревьев, шум реки. Нет ничего опаснее для некоторых женщин, чем когда мужчина вкладывает им в руки волшебную палочку феи-крестной. «Я спасу тебя, — подумала она. — У меня получится. Возможно, это дорого мне обойдется и ты того не стоишь, но я тебя спасу». Что может быть сильнее такого желания? С ним не сравняться ни любовь, ни жалость, ни влечение. Но Герта этого еще не знала: она была слишком молода. Поэтому прикоснулась к голове фотографа, то ли ероша волосы, то ли проверяя, нет ли у него жара.

– Не беспокойся, – сказала она голосом добной волшебницы, высовывая подбородок из-под широкого ворота свитера. – Все, что тебе нужно, – хороший импресарио. – И улыбнулась. У Герты были мелкие блестящие зубы, а между двумя передними – крошечная щелочка. Так не улыбаются зрелые женщины, разве что маленькие девочки, нет, даже не девочки – мальчишки-сорванцы в разгар рискованной игры. Неожиданная мысль юрким мышонком мелькнула в сознании Герты. Слегка склонив голову к плечу, она бросила на Эндре озорной, пытливый взгляд и заявила:

– Я буду твоим импресарио.

V

Сначала была только игра. Эта рубаха мне нравится, эта – нет. Он заходил в кабинку универмага «Самаритен», она с угрюмым видом ждала у входа в примерочные, на диване, обитом красным бархатом, положив ногу на ногу и болтая ею. Эндре выходил, нарядный как манекен, Герта, подняв брови, насмешливо оглядывала его с головы до пят, заставляла сделать круг почета по воображаемой арене и, поморщив нос, в конце концов давала добро. Он в самом деле был похож на киноактера: чисто выбрит, в белой сорочке, в галстуке, в начищенных ботинках, постриженный под американца. Но глаза все равно оставались цыганскими. Тут уж деваться было некуда.

Герте нравилось, что он соблюдает дистанцию, оставляет вокруг себя пространство, необходимое для удобства обоих. Эндре не обижали ее замечания и бесконечные ценные указания. Он стал называть Герту «начальницей». Договор зарядил парочку особой энергией, они словно обрели способность посыпать друг другу по воздуху некий таинственный сигнал, например, когда встречались в кафе «Ле Дом», хотя вовсе об этом не договаривались, или когда Эндре как будто невзначай, насвистывая, проходил под ее окнами или случайно сталкивался с Гертой в том ресторане, где ужинал с ней в первый раз. Впрочем, к тому времени оба поняли, что их случайная встреча была, возможно, самым неслучайным событием в их жизни.

Операция «Смена образа» дала немедленный результат. Герта была права. Не зря она так хорошо усвоила уроки матери. Элегантность может не только спасти жизнь, но и помочь на нее заработать. Второй репортаж из Саара прошел с триумфом. Если у вас вид преуспевающего человека, вы притягиваете успех.

Руфь взбежала вверх по лестнице с батоном на завтрак в одной руке и последним номером журнала «Вю» в другой. «СААР, ВТОРОЙ ВЫПУСК, – гласил заголовок, – ЧТО ДУМАЮТ МЕСТНЫЕ ЖИТЕЛИ И ЗА КОГО ОНИ СОБИРАЮТСЯ ГОЛОСОВАТЬ». Герта ждала подругу на лестничной площадке, стоя на цыпочках, в серой пижаме, в толстых шерстяных носках, с припухшими от сна глазами. Было еще очень рано, но девушке едва удавалось сдерживать нетерпение. Она расчистила место на кухонном столе, отодвинула чайник, чашки и разложила распахнутый журнал, как карту мира. Заголовок молнией резал разворот по диагонали, фотографии, которые Герта видела на крохотных контактных отпечатках, расклеенных для просушки на кафеле в ванной, теперь, увеличенные, красовались на страницах. Она вдохнула запах свежей типографской краски, как когда-то запах картинок, которые покупала в детстве для коллекции. Под снимками стояло «Андре Фридман» (на французский манер), жирным шрифтом. Герта улыбнулась и победным жестом вскинула кулак, точно как Джо Джекобе, поднимающий перед камерами чемпионскую перчатку Макса Шмелинга⁷. В конце концов, не все боксерские схватки происходят на ринге.

Ей нравилось думать, что их союз – временный. Общество взаимопомощи беженцев-евреев. Сегодня – я за тебя, завтра – ты за меня. К тому же, говорила себе Герта, ее помощь не совсем бескорыстна. Она тоже получала кое-что взамен. Такие мысли успокаивали. Радовало, что не приходится заходить слишком далеко, брать на себя слишком много. Они привыкли вставать рано, чтобы прогуляться по своему району в те часы, когда на рынки завозят рыбу и фрукты. Ходили вместе по рядам специй за церковью Святого Северина. Слушали звон колоколов, и казалось, будто это они сами перезваниваются друг с другом. Выхали свежий рассветный воздух, уже слегка отдающий углем и пенькой. Наблюдали, как свет из темно-синего становится золотистым, все сильнее разгораясь на востоке. Чужаки в городе мечты. Забавная

---

⁷ Джекобе Джо – американский импресарио немецкого боксера Макса Шмелинга, чемпиона мира в тяжелом весе 1930 года.

парочка: смуглый черноволосый юноша в тонком свитере и пиджаке и рыжая девушка в теннисных туфлях и с «лейкой» через плечо, словно Диана-охотница с луком. Экономя каждый франк, Герта не всегда вставляла в аппарат пленку, но училась быстро. Шли они каждый по своей стороне тротуара, соблюдая дистанцию. Денек с хорошим освещением, сигарета... И все. В считаные недели девушка освоила «лейку» и стала проявлять пленку и печатать фотографии в ванной при свете лампы, накрытой красным целлофаном. Эндре учили ее выбирать объект. Ты должна быть вся там, говорил он, рядом с добычей, должна быть начеку, чтобы спустить затвор в нужный момент, ни секундой раньше, ни секундой позже. Щелк. Уроки сделали Герту внимательней и напористей, однако при выборе кадра не хватало решительности. Она становилась на углу у Нотр-Дам, наводила объектив на старика с редкой бородкой и в каракулевой шапке, видела, как морщина на его щеке становится продолжением готической арки с изображением Страшного Суда, и опускала камеру. Глазами она могла охватить все, кроме мимолетного. Уже не стены из серого камня и не серебряное небо хотела она запечатлеть. Герте хотелось другого. Возможно, она начинала понимать, что в руках ее – оружие, и потому эти прогулки все больше напоминали попытки к бегству от себя, особый способ выглянуть наружу, в мир, удивиться тому, насколько он прекрасен, хотя, пожалуй, слишком противоречив. Взгляд на жизнь – это и мысль о жизни, это и столкновение с жизнью. Больше всего на свете Герте хотелось постигать и изменять жизнь. И вот для этого представился чудесный случай, момент, когда все еще предстояло, когда направление движения еще можно было поменять. Много месяцев спустя в предрассветный час в другой стране под треск автоматных очередей она вспомнит об этих днях, о том, как все началось, о том, что счастьем было сходить на охоту и не подстрелить птицу.

«Фотография отпускает мои мысли на волю, – писала она в своем дневнике. – Это как лежь ночью на террасе и смотреть в небо». В Галиции во время каникул ей нравилось так делать. Выбраться из окна своей комнаты на плоскую крышу, лежь навзничь под легким летним ветерком и до дыр засматривать ночное небо, ни о чем не думая, утопая в темноте. «В Париже звезд не видно, но есть красные фонарики над дверями кафе. Они похожи на новые созвездия, только что рожденные Вселенной. Вчера в кафе «Ле Дом» я была свидетелем горячего спора между Чимом, Эндре и тем тощим нормандцем, который иногда бывает с ними. Любопытный тип, Анри, очень образованный, из хорошей семьи, иногда заметно, что совесть его не совсем чиста, как у всякого представителя высших классов, стыдящегося своего происхождения и от этого пытающегося показать, что он левее любого левого. Эндре все время его подначивает: мол, в доме Картье-Бressонов не подходят к телефону, не прочитав предварительно последнюю передовицу «Юманите». Но это неправда. Он не только смысленный и лишен классовых предрассудков, он еще и независим. Они спорили о том, должны ли фотографии быть только документом или еще и произведением искусства. Мне показалось, что все трое говорят одно и то же, только разными словами, хотя я не очень в этом разбираюсь.

Иногда я выхожу с Эндре на улицу, смотрю на какой-нибудь балкон, и готова фотография: женщина развешивает белье на проволоке. Это живая сцена, не то что «встаньте в позу, улыбочку». Я учусь. «Лейка» мне нравится, она маленькая, почти ничего не весит. Можно снять аж тридцать шесть кадров подряд, и не надо таскать туда-сюда прожектора для подсветки. В ванной мы устроили фотолабораторию. Я помогаю Эндре, сочиняю подписи к снимкам, печатаю их на машинке на трех языках и время от времени добываю какой-нибудь заказ на рекламу от «Альянс Фото». Не бог весть что, но все же я приобретаю кое-какой опыт и узнаю изнутри мир журналистики. Картина не слишком радужная. Приходится пробиваться, расталкивая всех локтями. Найти свою нишу непросто. Хорошо еще, что у Эндре полно полезных знакомств. Мы с Руфью нашли новую работу: перепечатываем на машинке киносценарии для Макса Офюльса. Кроме того, по четвергам после обеда я по-прежнему хожу в кабинет Рене.

В общем, на квартплату хватает, хотя на прочее к концу месяца наскребаем не всегда. Но по крайней мере, я никому не должна. А, да, еще у нас новый постоялец. Королевский попугай из Гвианы, подарок Эндре. У него желтый клюв и черный язык, и он, бедняга, малость потрепан. Руфь взялась учить его французскому, но пока он не говорит ни слова, только насвистывает «Турецкий марш». Летать тоже не летает, хотя шастает по всей квартире, раскачиваясь на кричевых ногах, как старый пират. Мы назвали его Капитан Флинт. А как же иначе?

Чим подарил мне фотографию нас с Эндре, которую сделал его друг Штейн в «Кафе де Флор». Я всегда с трудом узнаю себя на фотографиях. На мне берет набекрень, я улыбаюсь, опустив глаза, словно выслушиваю откровенное признание. Эндре как будто только что сказал что-то, на нем пиджак спортивного покроя и галстук. Теперь ему стали больше идти такие вещи, он может покупать себе элегантную одежду, хотя, честно сказать, не умеет ее носить. Эндре смотрит на меня в упор, словно пытаясь угадать мои мысли, и тоже улыбается. Или почти улыбается. Мы похожи на влюбленных. Этот Штейн далеко пойдет как фотограф. Он умеет дождаться подходящего момента. Точно знает, когда нажать на спуск. Только вот мы вовсе не влюбленные. Мое прошлое со мной. У меня есть Георгий. Он пишет мне каждую неделю из Сан-Джимињяно. Все предрешено с самого рождения. Об одном мечтаешь, одного любишь – другого нет. Либо один, либо другой. Мы выбираем, не выбирая. Такова жизнь. У каждого – своя дорога. К тому же как можно любить кого-то, если как следует его не знаешь? Как преодолеть пропасть своего незнания о другом?

Иногда меня тянет рассказать Эндре о том, что произошло в Лейпциге. Он тоже не слишком распространяется о своем прошлом, хотя на любую другую тему может говорить часами без передышки. Я знаю, что его мать зовут Юлия и что у него есть обожаемый младший брат Корнель. А вообще он приоткрывает для меня окошко в свою жизнь очень редко. Осторожничает. Я тоже молчу, когда порой оглядываюсь назад и вижу, как отец на пороге спортзала в Штутгарте, нетерпеливо поглядывая на часы, ждет, пока я зашнурую теннисные туфли.

Потом слышу голоса Оскара и Карла на трибунах. Они подбадривают меня: «Давай, давай, форелька!» Меня уже сто лет никто так не зовет. Сто лет прошло с тех пор, как мы кидали камни в реку. Вытирали грязные ботинки пучками травы. Вечерами, такими, как этот, я задаю себе вопрос: так ли больно им вспоминать обо мне, как мне о них? С тех пор как вышли декреты фюрера, им пришлось переезжать несколько раз. Сейчас они в Петровограде, рядом с румынской границей, у дедушки с бабушкой. Мне от этого спокойнее: в этой сербской деревне никогда не водилось антисемитов. Не знаю, смогу ли когда-нибудь гордиться тем, что я еврейка; мне хотелось бы походить на Эндре, который не придает этому вообще никакого значения. Для него это все равно что быть канадцем или финном. Никогда не могла понять, почему евреи вечно отождествляют себя с предками: «Когда нас изгнали из Египта...» Послушайте, меня никто из Египта не изгонял. Я не могу взвалить на себя эту ношу. Я не верю в это «мы». Коллектив – это всего лишь отговорка. Только индивидуальные действия имеют моральный смысл, по крайней мере в этой жизни. А доказательств существования другой у меня нет. Хотя, если честно, среди того, чему нас учили в детстве, попадалось много красивого. Например, история Сары, или когда ангел удержал руку Авраама, и музыка, псалмы...

Помню, что в День искупления, когда каждый должен простить своего ближнего, нас наряжали в самую лучшую одежду. На комоде стояли фотографии Карла и Оскара в шароварах и новых рубахах. Я надевала короткое платье с вишенками. Тощие ноги... Волосы мне закручивали на маечке в пучок, похожий на серую тучку. Картинки не забываются. Таинство фотографии».

Тук-тук. Кто-то робко постучался в дверь. Терта подняла голову от тетради. Уже довольно давно она не слышала стрекота пишущей машинки за стеной. Было, наверное, час ночи. Когда Руфь просунула голову в комнату, она увидела, что подруга, завернувшись в оде-

яло, глушит бессонницу третьей сигаретой подряд, чуть не обжигая себе губы, а на коленях – тетрадь.

– Ты все еще не спишь?

– Я ложусь, ложусь, – принялась она оправдываться, как девочка, которую застукали за нарушением режима дня.

– Не стоило бы тебе вести дневник, – сказала Руфь, указывая на тетрадь в красной обложке, которую Герта положила на тумбочку у кровати. – Кто знает, в чьи руки он может попасть. – Она была права, это противоречило элементарным правилам конспирации.

– Да…

– Зачем же ты это делаешь?

– Не знаю… – Герта пожала плечами. Потом потушила сигарету в щербатом блюдечке. – Боюсь забыть, кто я.

И это было правдой. У каждого из нас есть свой тайный страх. Глубоко спрятанный ужас, родной, отличающий нас от остальных. Уникальный, неповторимый.

Страх не узнать свое лицо в зеркале, заблудиться бессонной ночью в чужом городе, в чужой стране после нескольких рюмок водки, страх перед другими, страх перед опустошающей любовью, а то и хуже: страх одиночества, страх как бросающее в дрожь осознание реальности, которая открылась перед тобой лишь сию минуту, хотя существовала и была точно такой и прежде. Страх воспоминаний, страх от того, что совершил или мог бы совершить. Страх как конец невинности, как прощание с благодатью, страх того дома у озера, где растут тюльпаны, страх отплыть слишком далеко от берега, страх темной и скользкой воды на коже, когда уже давно не достаешь дна ногами. Страх с большой буквы «С». С той же буквы, что и «Смерть». Страх нерассеивающегося осеннего тумана в отдаленных районах, по которым приходится каждый четверг возвращаться домой, проходя по слабо освещенным улицам, по безлюдным или малолюдным площадям, там – нищий, на этом углу – женщина с тележкой, груженной дровами, и звук собственных шагов, тихих, торопливых, хлюпающих… своих – и будто чужих, словно кто-то идет за тобой на расстоянии: раз и два, раз и два… постоянное чувство опасности, которую ощущаешь затылком, возвращаясь домой; натянутый на уши берет, руки в карманах, настойчивое желание броситься бегом, как в детстве, когда надо было перейти переулок от булочной до дома Якоба, пронестись по лестнице, задыхаясь, перепрыгивая через две ступеньки, и, наконец, позвонить, а тут уж зажигается свет и попадаешь на безопасную территорию. Спокойно, говорила она себе, спокойно, стараясь замедлить шаг. Если останавливалась на секунду, эхо умолкало, если шла опять, снова слышала ритмичное и неотступное: раз и два, раз и два, раз и два… Иногда она оборачивалась – и никого. Никого. Возможно, просто почудилось.

VI

Некоторое время она завороженно рассматривала только что напечатанную страницу, не сосредотачиваясь на содержании, лишь любуясь шероховатостью бумаги, отпечатками букв. Чернотой чернил. Рядом с машинкой лежала стопка исписанных от руки листов, переложенных зеленою промокательной бумагой. Герта провернула каретку, вынула готовую страницу и стала внимательно читать: «Ввиду наступления нацизма по всей Европе есть только один выход: объединение коммунистов, социалистов, республиканцев и других левых партий в единую антифашистскую коалицию, которая бы позволила формировать правительства на широкой основе. [...] Всем демократическим силам срочно необходимо объединиться в Народный фронт».

— Как тебе это нравится, Капитан Флинт? — спросила она, глядя на трапецию, подвешенную над полочкой, где пернатый отрабатывал свои акробатические номера. С тех пор как Эндре уехал в Испанию, она часто разговаривала с попугаем. Чем не средство борьбы с одиночеством? Как и возвращение в ряды партийных активистов. Она чувствовала настоятельную потребность помогать, приносить пользу, быть нужной. Нужной для чего? Она не знала. Пыталась разобраться, посещая все более и более людные собрания в баре «Капулад». Женщина-эхо, женщина-отражение, женщина-зеркало. Там всегда было слишком накурено. Слишком шумно. Герта прихватила свои полстакана водки и вышла покурить, сидя на бордюре тротуара. Обняв колени, она долго смотрела на вечероющее небо, то здесь, то там между козырьками крыши уже поблескивали звезды, на западе над горизонтом разливалось бледно-оранжевое сияние заката. Герте нравилось вдыхать липовый аромат едва наступившей весны. Нравилось безмолвие города, недвижность каменных громад над лабиринтом уочек, не спеша спускавшихся к реке. Тишина успокаивала. Помогала навести порядок в мыслях. Этим она и была занята, когда почувствовала, как на плечо легла чья-то рука. Это был Эрвин Акеркнехт, старый друг еще по Лейпцигу.

— Нужно напечатать текст манифеста на французском, английском и немецком, — сказал он, присаживаясь рядом на бордюр. — Чем больше к нам присоединится интеллектуалов, тем лучше. Конгресс должен пройти успешно. — Речь шла о Международном конгрессе писателей в защиту культуры, который должен был собраться в Париже в начале осени. Эрвин неторопливо скрутил сигарету, послюнил край бумажки. — Олдос Хаксли и Фостер уже подтвердили свое участие, — заверил он, — и еще Исаак Бабель и Борис Пастернак из СССР. От нас будут Бертольт Брехт, Генрих Манн и Роберт Музиль из Австрии. Американцы еще не подтвердили... Важно, чтобы текст получили все, Герта, каждый — на своем языке. Мы можем на тебя рассчитывать?

— Ну конечно, — ответила она. Глотнула водки, дала алкоголю просочиться по венам к сердцу и мозгу. Смешавшись со вкусом табака, водка обожгла горло. Девушка отбросила падавшую на глаза прядь и посмотрела вдаль, на небо. Черным силуэтом, подобно неподвижному часовому, в ночи вырисовывалась колокольня тысячелетнего романского аббатства Сен-Жермен-де-Пре.

В последние недели сюрреалистические споры вышли за границы поэзии — интеллектуалы обратились к реальности, о которой писали в газетах, говорили по радио. Реальность эта не внушала оптимизма, и небольшая группа с Левого берега на время спустилась с вершин Олимпа, оставила своих зеленоглазых муз и погрузилась в водоворот жизни. Все следили за новостями, хотя, по сути, не утихала тайная тяжба между теми, кто разделял лозунги революционеров, и теми, кто все еще надеялся на возможное слияние революции и поэзии. Разногласия между ними были отнюдь не пустячными. Как-то вечером Андре Бретон вышел на бульвар, чтобы купить сигарет в кафе «Ле Дом», и в дверях столкнулся с русским сталинистом Ильей Эренбургом. Разговора не получилось. Поэт набрал в грудь побольше воздуха и со всей

силы двинул идеологическому противнику головой в нос. Раздался треск, будто поломали стул. Бретон нападения не планировал. Просто так получилось. Русского удар застал врасплох, и он упал на колени, заливая скандально красной кровью серую мостовую. Все смешалось, завязалась общая потасовка, драка всех против всех. Слыталась брань, одни спешили на помощь раненому, другие пытались успокоить рассвирепевшего поэта, буквально на руках оттаскивая его прочь. Тут кто-то крикнул, что надо вызвать полицию, и тогда все поспешили убраться восвояси и оставить разборки до следующего раза. Несколько дней спустя поэт Рене Кревель, на которого возлагалась миссия примирения сюрреалистов с коммунистами, покончил с собой, отравившись газом на кухне.

«Пора сказать прощай, – писал он в отчаянии. – Завтра ты вернешься во мглу, откуда ты родом. В красно-черном городе у тебя будет бесцветная комната со сверкающими стенами, с окнами, открытыми прямо в облака, которым ты сестра. Останется только искать в небесах тень твоего лица, движения твоих пальцев...»

Так обстояли дела, когда Терта почувствовала себя вынужденной выбирать между двумя путями, ни один из которых ей не нравился. Репрессии в Советском Союзе ни для кого не были секретом, но в маленькой монпарнасской общине, священном обиталище богов, многие колебались, не зная, разоблачать преступления Сталина или молчать о них ради сохранения единства антифашистских рядов.

Она задумалась, как будто зависла над пропастью, с манифестом в одной руке и сигаретой в другой, не читая, только затягиваясь сигаретой и глядя на белое покрывало, которым был застлан диван у противоположной стены, и на полочку с глиняными статуэтками, которые Руфь купила у бродячего торговца. Как ни старались девушки превратить это жилище в уютный дом, оно все равно оставалось времененным пристанищем: разбитое стекло, заклеенное пластирем, карта Европы в маленькой гостиной, книги, сложенные стопками на полу в коридоре, бутылка с букетом сирени на подоконнике, пара фотографий, пришпиленных кнопками к стене... Эндре в куртке с засученными рукавами, машущий рукой на прощание с перрона Восточного вокзала. Она скучала по нему, конечно же. Не то чтобы его отсутствие казалось таким уж невосполнимым, Терта ощущала лишь тихую грусть, почти незаметную, перетекавшую в привычку. Ничего серьезного. Она открыла окно и блокотилась о подоконник. Свежий ветерок дохнул в лицо, освежил воспоминания: утренние прогулки по улицам с «лейкой»; советы Эндре, его манера жить, не глядя на часы, как будто все остальные должны подстраиваться под его ритм; день, когда он пришел с Капитаном Флинтом на плече; кажущаяся рассейанность, с которой он расставлял на полочке в ванной банки с проявителем; манера появляться в последний момент с бутылкой вина под полой пальто и корзиной свежей форели; его улыбка, когда он колдовал у плиты на кухне, Чим застипал скатертью стол, а Руфь доставала тарелки и стаканы из шкафа и раскладывала приборы как для торжественного приема; легкая небрежность, сквозившая в каждом его движении, характер, временами заносчивый, способность быть не тем, кем он кажется, и казаться не тем, кто он есть. За какой маской скрывался он настоящий? Которой из этих масок был он сам? Богемным весельчиком, способным вскружить голову кому угодно, или одиночкой, временами погружавшимся в молчание, будто оказавшись на противоположной стороне разрушенного моста? «Я никто и никто», – вспоминала Герта его слова, сказанные на берегу Сены. За слабостью Эндре прятал гордость. Возможно, все его очарование заключалось в способности к притворству, в робости, которой он инстинктивно прикрывал свою дерзость, и в умении, даже кипя от бешенства, улыбаться и пожимать плечами как ни в чем не бывало. Эндре был соткан из противоречий: рассстегнутый пиджак, сильные руки, светский шарм и в то же время эта удивительная наивность, с которой он позволял руководить собой, точно послушный ребенок, когда дело касалось выбора одежды. Впрочем, игра с переодеванием принесла результаты. Если бы не респектабельный вид, который Эндре приобрел в строгом пиджаке и галстуке, журнал «Берлинер иллюстрите цайтунг» не отправил бы

его в Испанию делать репортаж. Сначала Эндре сомневался, браться ли за заказ, ведь журнал, как и все немецкие издания, находился под железной пятой геббельсовской пропагандистской машины, но условия были не те, чтобы выбирать, на что соглашаться, на что – нет. К тому же, как сказала Герта, репортаж не имел отношения к политике. Надо было всего лишь взять интервью у боксера-баска Паулино Ускудуна, который готовился к встрече в Берлине с немецким тяжеловесом Максом Шмелингом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.